

МЫСЛИ О ХАСИДИЗМѢ.

I.

Русско-еврейскій міръ распадается въ настоящее время на два большихъ лагеря, во многомъ между собой различныхъ, подчасъ даже враждебныхъ.— хасидовъ и не хасидовъ или митнагедовъ, т. е. противниковъ хасидизма. Отличаются первые отъ послѣднихъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ религіозной обрядности, но главнымъ образомъ—върой въ цадиковъ и ихъ чудодѣйственную силу. Цадикъ—это идолъ хасида, лицо одаренное сверхъестественной силой и располагающее всей природой по произволу. Цадикъ можетъ все сдѣлать при помощи своей всемогущей молитвы, разумѣется только для того, кто въ него вѣруетъ, ему поклоняется. Его молитвѣ приписывается такая сила, что она можетъ измѣнить божескія опредѣленія. «Богъ опредѣляетъ, а цадикъ отмѣняетъ», говорятъ хасиды словами талмуда. Цадикъ находится въ постоянномъ общеніи съ сверхчувственнымъ міромъ, и потому для него открыта книга судебъ. Онъ свободно читаетъ въ будущемъ, которое и предсказываетъ вѣрующимъ. Онъ не ограниченъ ни пространствомъ, ни временемъ, ни вообще законами природы, которые такъ могущественно вліяютъ на судьбу обыкновенныхъ смертныхъ. Число такихъ чудодѣевъ въ настоящее время довольно значительно, и это нисколько не должно удивить насъ, ибо для того, чтобы достигнуть такой высокой ступени, вовсе не нужно большихъ или трудныхъ приготовленій. Самый обыкновенный и вовсе не затруднительный способъ попасть въ цадики—это родиться отъ цадика же. А какъ цадики размножаются довольно успѣшно, благодаря благопріятной обстановкѣ жизни, то нѣть ничего странного въ томъ,

ЧТО ПОЧТИ КАЖДЫЙ ГОРОДОКЪ, КАЖДОЕ МѢСТЕЧКО ИМѢТЬ СВОЕГО ЦАДИКА; ВЪ БОЛЬШЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТНОСТЯХЪ ЕВРЕЙСКІЙ МІРЪ РАЗДѢЛЯЕТСЯ НѢСКОЛЬКО ПАРТІЙ, ПО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КЪ ХАСИДАМЪ ТОГО ИЛИ ДРУГАГО ЦАДИКА.

Но гораздо болѣе числа самихъ цадиковъ — число чудесъ, ими совершенныхъ. Чуть гдѣ сойдутся два хасида, разговоръ неминуемо сойдетъ на неизсказаемую тему святости цадиковъ и ихъ чудотворной силы, при чемъ каждый изъ собесѣдниковъ раскрываетъ богатый запасъ знаній по этому предмету. Изъ этихъ разсказовъ вы можете узнать, какую громадную роль играетъ цадикъ въ жизни своей паствы. Къ нему обращается хасидъ во всѣхъ своихъ нуждахъ и невзгодахъ. Цадикъ даетъ парнусу (средства къ пропитанію) бѣдному хасиду; онъ даетъ дѣтей бездѣтному и т. п. Но, дѣля такъ много для своихъ поклонниковъ, цадикъ, сознавая всю важность своихъ услугъ, ничего не дѣлаетъ даромъ. Слова Библіи: «Не узрите лица божьяго (т. е. храма) съ пустыми руками» — строго соблюдаются цадиками. Не думайте, однакожъ, чтобъ къ цадику обращались только тогда, когда нуждаются въ его чудотворной помощи; это было бы наглой профанаціей его святости. Хасидъ очень хорошо знаетъ, что лицезрѣніе цадика есть, само по себѣ, въ высшей степени богоугодное дѣло и лучшій путь къ спасенію души. Вотъ почему онъ считаетъ своей непремѣнной обязанностью какъ можно чаще бывать у цадика, пообѣдать за его столомъ, потолкаться въ его передней.

Цадикъ — это не раввинъ, не руководитель еврейской общины въ ея обыденномъ религіозномъ быту. Цадикъ очень мало свѣдущъ въ еврейской богословской литературѣ, столь значительной, трудной и запутанной. Онъ вовсе не авторитетъ въ вопросахъ религіозной догматики и обрядности. Большинство нынѣшихъ цадиковъ — люди малограмотные (по еврейски), въ высшей степени невѣжественные и грязные, чѣмъ они и отличаются рѣзко отъ староеврейскихъ раввиновъ, для которыхъ необходимое условіе ихъ званія составляетъ значительное специальное образованіе. Доступъ въ цадики, какъ мы уже замѣтили, гораздо легче.

Цадикізмъ въ томъ видѣ, какъ мы его только-что охарактери-

зовали, очевидно долженъ имѣть, и дѣйствительно имѣть весьма вредное влияніе на жизнь русскихъ евреевъ. Онъ парализуетъ всякое движение свободной мысли въ еврейскомъ мірѣ. Онъ дѣлаетъ невозможнымъ въ своихъ предѣлахъ всякое движение впередъ, всякий выходъ изъ того ненормального положенія, въ которомъ находятся евреи. Но, не забѣгая впередъ въ изложеніи того значенія, которое имѣть хасидизмъ въ судьбахъ нашихъ единовѣрцевъ, остановимся на вопросѣ, который естественно возбуждается имъ въ нашей мысли: какъ уничтожить столь вредный элементъ еврейского быта? Вдумываясь глубже въ этотъ вопросъ, мы находимъ, однажды, что онъ не можетъ быть разрѣшенъ единственно анализированіемъ хасидизма, какъ факта, въ настоящемъ его положеніи, и вреда имъ приносимаго. Необходимо узнать обстоятельства, вызвавшія его къ жизни, и тѣ народныя потребности, которымъ онъ удовлетворяетъ. Только такимъ путемъ мы можемъ, посредствомъ измѣненія условій, давшихъ хасидизму *raison d'être*, сдѣлать дальнѣйшее существованіе его излишнимъ или даже невозможнымъ. Но это возможно только въ томъ случаѣ, если мы прослѣдимъ судьбы хасидизма съ самаго его появленія и уловимъ генетическую связь между нимъ и той средой, въ которой онъ зародился. Недостаточно объявить, что хасидизмъ есть явленіе вредное и потому слѣдуетъ съ нимъ бороться всѣми силами; надо узнать, какія мѣры въ этой борьбѣ могутъ оказаться наиболѣе дѣйствительными, а для этого необходимо понять хасидизмъ. Не должно думать, что мы все объяснили, сказавъ: хасидизмъ есть плодъ невѣжества и суевѣрія. Безспорно, онъ можетъ существовать только при невѣжествѣ и суевѣріи, но дѣйствительно ли только имъ онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ? Да и суевѣріе въ каждой общественной средѣ принимаетъ другой исходъ, другое направление. Если мы желаемъ, поэтому, изучить природу хасидизма основательнѣе, мы не можемъ довольствоваться одними общими разсужденіями изъ области человѣческаго духа, а должны сойти на почву дѣйствительности, на почву тѣхъ частныхъ историческихъ условій, при которыхъ онъ появился въ свѣтѣ и продолжаетъ существовать. Словомъ, для того, чтобы успешно бороться съ хасидизмомъ,

мы должны понять его; а для того, чтобы его понять, мы должны узнать тѣ обстоятельства, которыя сопровождали его появление и которая до сихъ поръ поддерживаютъ его и придаютъ ему такую живучесть и силу. Только тогда можно будетъ указать тотъ путь, по которому должны пойти государство и общество для того, чтобы уничтожить эту язву еврейской жизни, этотъ сильнейшій тормазъ нашего прогресса.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы постараемся разрѣшить эту задачу, или по крайней мѣрѣ указать способъ, которымъ она, по нашему мнѣнію, можетъ быть разрѣшена.

II.

Хасидизмъ есть явленіе новое въ еврействѣ и не имѣть почти никакихъ основаній въ еврейской религіи и ея историческомъ развитіи. Дѣйствительно, хасидизмъ, какъ мы видимъ, въ теоріи построенъ на грубѣйшемъ суевѣріи и полномъ господствѣ элемента чудеснаго, сверхъестественнаго, а въ практикѣ сводится на рѣшительное подчиненіе всей жизни хасидовъ добромъ еврею (какъ они называютъ цадиковъ) и, слѣдовательно, на такое преобладаніе духовнаго элемента надъ свѣтскими, какое встрѣчается развѣ въ ультра-католической Испаніи, или, правильнѣе, только въ монгольскомъ шаманствѣ. Между тѣмъ въ еврейской религіи элементъ чудеснаго играетъ сравнительно небольшую роль. Іудейство знаетъ чудеса, по крайней мѣрѣ чудеса обязательныя для вѣрующихъ, каноническая, только въ давно прошедшемъ, въ библейскихъ преданіяхъ. Талмудъ и позднѣйшая еврейская богословская литература упоминаетъ только о чудесахъ случайныхъ, рѣдкихъ, которая являлись на помощь избранныкамъ божіимъ въ особенно критической минуты, и притомъ именно избранныкамъ божіимъ, прославившимъ себя чрезвычайной святостью жизни, необыкновенной богословской ученостью и заслугами предъ Израилемъ. Таковы, напр. чудеса, которыя передаются о жизни и смерти еврейскихъ мучениковъ, въ эпохи древнеримскихъ и средневѣковыхъ гоненій на евреевъ. Но чтобы люди, самые обыкновенные, вполнѣ преданные материальными

наслажденіямъ, лишенные всякихъ знаній въ дѣлахъ вѣры и ничего не дѣлающіе для націи, могли удостоиться дара пророчества и власти надъ природой, и притомъ не изрѣдка и случайно, а постоянно и, такъ сказать, систематически, — это совершенно противно основнымъ ученіямъ еврейской религії. Съ другой стороны, евреи никогда не имѣли духовенства, въ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. особое сословіе, болѣе или менѣе замкнутое, которое имѣло бы монополію истолкователя религіознаго закона и пользовалось бы, по самому своему званію, высшимъ и самостоятельнымъ общественнымъ значеніемъ и вліяніемъ на частную и общественную жизнь остальныхъ классовъ общества. Раввинъ всегда рассматривался не какъ лицо, стоящее—въ силу дарованной ему свыше власти вязать и рѣшать—надъ обществомъ, а какъ слуга общества, чиновникъ, состоящій у общества на жалованьѣ. Раввинъ — это лицо, которому, ради удобствъ раздѣленія труда, община ввѣрила принадлежащее каждому изъ его членовъ въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ право устраивать свои религіозныя, домашнія и общественные дѣла на основаніи Библіи, Талмуда и позднѣйшихъ авторитетовъ. Раввинъ не можетъ ничего приказывать, только наставлять и совѣтовать. Мысль, высказанная много разъ еще въ Библіи, что «весь народъ Божій священъ и каждый изъ нихъ можетъ удостоиться божественного откровенія»—мысль эта проникла въ плоть и кровь евреевъ, это демократическое начало лежитъ въ основаніи всѣхъ общественныхъ учрежденій евреевъ. Если раввинъ и пользуется уваженіемъ и даже послушаніемъ, то это только благодаря своимъ личнымъ качествамъ. Частныя лица (не раввины), которые пользуются репутацией хорошихъ богослововъ и особенно набожныхъ людей, могутъ пользоваться большимъ почетомъ, чѣмъ иные раввины, какъ это мы видимъ нерѣдко и теперь. И это неудивительно, потому что совершение религіозныхъ требъ не составляетъ у евреевъ монополіи раввиновъ. Всякій, свѣдущій въ законахъ, еврей можетъ совершать обрядъ вѣнчанія и развода, можетъ рѣзать животныхъ, совершать богослуженіе и т. под.

Вотъ почему авторитетъ раввиновъ вообще довольно незначителъ, экономическое ихъ положеніе зависимое и незавидное—и во-

обще они не имѣютъ почти никакого сходства съ духовенствомъ другихъ исповѣданій. Тѣмъ страннѣе и непонятнѣе долженъ быть для насъ съ первого взгляда хасидизмъ, съ неограниченнымъ вліяніемъ цадиковъ на умы своихъ поклонниковъ, напоминающимъ времена самаго деспотического господства духовнаго элемента. Единственное объясненіе его можно найти въ изученіи обстоятельствъ того времени и мѣста, гдѣ хасидизмъ получилъ свое начало.

Средневѣковое еврейское общество, со всѣхъ сторонъ гонимое, преслѣдуемое и не допускаемое къ участію въ общемъ ходѣ народной жизни, естественно должно было уйти въ себя и образовать особый міръ, во многомъ отличный отъ окружающего его. Для насъ здѣсь важно особенное направленіе духовной, нравственно-религіозной жизни еврейского народа. Такъ какъ еврейская религія не только не была покровительствуема или хоть признаваема государствомъ, но, напротивъ, явно и постоянно преслѣдовалась, то неудивительно, что евреи употребили всю силу своего духа на поддержаніе именно этой стороны своего существованія. Вся энергія еврейского народа, вся сила его мысли направилась къ тому, чтобы удержать за собою завѣщанное отъ предковъ религіозное наслѣдіе. Но единственно возможный путь къ дѣйствительному охраненію религіи отъ грозящей ей внѣшней опасности при такихъ обстоятельствахъ заключается въ строгомъ соблюденіи внѣшней стороны религіи, а обрядовъ, которые, въ то грубое время, были главнымъ выражениемъ религіозной жизни. Дѣйствительно, религіозное чувство есть вещь слишкомъ отвлеченная для неразвитаго ума и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ шаткая, неопределенная и произвольная, чтобы на немъ можно было построить прочное зданіе религіозной жизни народа. Обрядъ есть единственный достовѣрный признакъ, по которому еврей могъ тогда отличать своего отъ чужаго; а это было необходимо, потому что, въ то грубое время народной вражды, всякий, который не былъ съ евреемъ, за него, былъ противъ него. Обрядъ, а не туманное религіозное чувство, недоступное повѣркѣ и подверженное сомнѣніямъ и колебаніямъ, связывалъ неразрывно всѣхъ членовъ еврейской семьи въ одно цѣлое съ круговымъ ручательствомъ. Необходимымъ послѣствиемъ этого было необыкновенное развитіе

религіозной обрядности у евреевъ. Какъ было замѣчено выше, у евреевъ не было и теперь нѣть духовенства, которое имѣло бы власть постановить неизмѣнныя правила религіознаго быта, которыхъ авторитетъ, поддерживаемый свѣтской властью, былъ бы непоколебимъ. У евреевъ каждый свѣдущій въ богословской литературѣ считаетъ себя вправѣ запретить то, что до него было дозволено, и наоборотъ. А какъ раввинъ уважался лишь сообразно своей учености, набожности и заслугамъ, то каждый раввинъ считалъ своей непремѣнной обязанностью написать хоть одну книгу богословскаго содержанія и сдѣлать хоть нѣсколько новыхъ религіозныхъ запретовъ, ограниченій, ввести новую молитву въ еврейское богослуженіе и т. под. Такимъ образомъ, масса религіозныхъ законовъ и правилъ росла неимовѣрно, ложась все большей и большей тяжестью на бѣдный еврейскій людъ, удрученный извѣсными гоненіями законодательства и общества, а изнутри строгостью своихъ книжниковъ—раввиновъ.

Такую же неутѣшительную картину представляетъ умственная жизнь евреевъ того времени. Вся еврейская наука вращалась тогда вокругъ Талмуда и его толкователей. Да и могло ли быть иначе? Вспомнимъ, что вообще въ Европѣ, собственно говоря, положительное знаніе зародилось только въ концѣ прошлаго столѣтія. До этого времени, за немногими исключеніями, европейская мысль не была свободна отъ схоластики и догматическихъ словопреній. Вопросы въ родѣ того: можно ли убить крысу, съѣвшую церковную просфиру, занимали тогда, особенно до реформаціи, большинство мыслящихъ умовъ. Мудрено ли, что евреи, которые, будучи исключены изъ общей народной жизни, имѣли очень мало охоты, интереса и возможности усвоить себѣ даже ту незначительную долю положительнаго знанія, которая тогда существовала,—мудрено ли, что евреи искали удовлетворенія своей умственной жажды въ своей национальной литературѣ, въ Талмудѣ? Богатствомъ своего содержанія, обнимающимъ, какъ въ энциклопедіи, всѣ стороны человѣческой жизни и человѣческаго знанія, Талмудъ вполнѣ удовлетворялъ тогда любознательности и пытливости еврея.

Притомъ же Талмудъ разсматривался не только какъ предметъ

изученія, но какъ национальное богатство, какъ оплотъ іудейства противъ его враговъ. Евреи дорожили каждой буквой Талмуда, подобно тому, какъ въ настоящее время, національности, которая стремится завоевать себѣ самостоятельность отъ иноzemнаго ига, дорожатъ каждой мелочью, напоминающей старинную жизнь ихъ народности. Такимъ образомъ, каждый еврей считалъ своей священной обязанностью обучать своихъ дѣтей Талмуду, дабы они проникнулись до глубины души сознаніемъ своего еврейства и имѣли бы въ рукахъ оружіе противъ враговъ своей вѣры. Вслѣдствіе этого, число евреевъ-богослововъ возрасло непомѣрно и представило такую пропорцію къ массѣ народа, какой не найдемъ ни въ одномъ другомъ обществѣ въ мірѣ. Конкурренція на раввинскія мѣста была, поэтому, необыкновенно велика и не замедлила привести къ весьма печальнымъ результатамъ. Раввины, необеспеченные въ материальномъ отношеніи, какъ духовенство всѣхъ другихъ исповѣданій, и подверженные чрезмѣрной конкуренціи, пали очень низко въ нравственномъ отношеніи. Начиная съ 17-го столѣтія все чаще и чаще раздаются жалобы на неправосудіе и подкупность раввиновъ и продажность раввинскихъ мѣстъ. Вошло въ обычай, что раввины покупали свою должность у общинъ, вмѣсто того, чтобы получать у нихъ жалованье. При этомъ они необходимо должны были уже, правдой-неправдой, вознаграждать себя за расходы на получение раввинского мѣста. Противъ этого безнравственного и противного еврейскимъ законамъ обычая возставали лучшіе изъ самыхъ раввиновъ, которые въ 1637 г. изрекли даже торжественное проклятие противъ продажности раввинскихъ мѣстъ. Но они не могли преодолѣть естественнаго хода событий и подкупность раввиновъ усиливалась все болѣе и болѣе.

Это нравственное паденіе раввиновъ, которое естественно должно было уронить ихъ кредитъ въ глазахъ евреевъ, сопровождалось столь же сильнымъ умственнымъ паденіемъ. Раввины удалились всѣцѣло въ область талмудической литературы и религіозно-обрядовыхъ словопреній, которые давали имъ хлѣбъ насущный. Но этимъ они потеряли много въ мнѣніи большинства, которое, несмотря на религіозный характеръ своей жизни, все же не могло

удовольствоваться одной богословской пищей, мало привлекательной для всякаго простаго человѣка. Вмѣсто того, чтобы, по примѣру древнихъ раввиновъ, пользоваться Талмудомъ только для руководства обыденнаго религіознаго быта и посвятить свое время, главнымъ образомъ, на веденіе общественныхъ дѣлъ своихъ прихожанъ, творить между ними судъ и расправу, быть ихъ представителями и защитниками предъ правительствами и народами, польскіе раввины послѣднихъ вѣковъ удалились совершенно съ реальной почвы, перестали быть руководителями еврейскаго народа, но за то удивительно усовершенствовали талмудическую казуистику. Они, какъ известно, создали новый родъ богословской литературы—такъ называемый хилукъ или пилпуль. Хилукъ — это разсужденіе на религіозно-обрядовую тему, которое представляетъ массу самыхъ тонкихъ хитросплетеній, лишенныхъ твердаго логическаго основанія. Это скорѣе игра воображенія, нежели плодъ мысли. Про творца этого рода литературы, совершенно неизвѣстнаго евреямъ до тѣхъ поръ, рассказываютъ, что, когда изъ его экземпляра Талмуда вырвали нѣсколько листовъ, онъ, не замѣтивъ этого обстоятельства, при изумительной гибкости своего ума, продолжалъ ученіе на прерванномъ мѣстѣ и нашелъ возможнымъ связать между собой два совершенно различные мѣста Талмуда! При такомъ направленіи умственной дѣятельности раввинизма, ученіе сдѣлалось средствомъ не для достиженія истины, какъ у древнихъ раввиновъ, а для ея затемненія. Въ софистикѣ хилука тотъ считался корифеемъ учености, который могъ привести доказательства въ пользу разрѣшенія того, что запрещено, и наоборотъ, тотъ, который могъ приводить побольше аргументовъ за и противъ одного и того же положенія, а не тотъ, который при помощи пріемовъ разумнаго, логическаго толкованія, добивался истины въ лабиринтѣ Талмуда и талмудической литературы. Противъ хилуковъ, которые имѣли и вредное нравственное вліяніе, возбуждая между талмудистами завистливое соперничество и чрезвычайную гордость, столь свойственную школьному педантизму, тоже боролись лучшіе умы между евреями, но съ такимъ же малымъ успѣхомъ. Эта игра ученостью изъ-за недостойныхъ цѣлей и извращеніе естественныхъ законовъ мышленія

въ такой же малой мѣрѣ могли нравиться большей части еврейского народа, какъ нравственные недостатки раввинизма могли питать въ массѣ уваженіе къ этому званію. Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться долго безъ того, чтобы не вызвать какихъ нибудь перемѣнъ, ибо онъ въ самомъ себѣ скрывалъ задатки своего разложенія. Къ перемѣнамъ, вслѣдствіе изложенныхъ нами обстоятельствъ, было подготовлено все еврейское населеніе бывшаго Царства Польскаго, которое мы преимущественно имѣли въ виду при характеристицѣ средневѣковаго еврейского общества, ибо въ феодальной Польшѣ средневѣковой характеръ еврейской жизни достигъ высшей степени развитія. Но нигдѣ обстоятельства такъ не благопріятствовали возможности реформы въ нравственно-религіозной жизни евреевъ, какъ въ такъ называемой Украинѣ (губерніяхъ Киевской, Волынской и Подольской) и Малороссіи.

Начнемъ съ того, что здѣсь экономической быть евреевъ было (да и теперь еще оно такъ) гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ владѣніяхъ Рѣчи Посполитой. Кардиналъ Комендони, объѣзжавшій два раза польскія земли во 2-й половинѣ XVI вѣка и представляющій совсѣмъ не въ выгодномъ свѣтѣ положеніе евреевъ въ собственной Польшѣ, говоритъ про Украину: «Здѣсь находится большое число евреевъ, которые тутъ не такъ презираемы, какъ въ другихъ земляхъ. Они тутъ живутъ не отъ низкихъ барышей, лихвы и т. под., а владѣютъ землями; занимаются не только торговлей, но и литературой и науками. Они держать въ аренду пошлины и пріобрѣтаютъ большія богатства. По наружности они ничѣмъ не отличаются отъ христіанъ, имъ даже дозволено носить сабли и они пользуются равными со всѣми правами». Лучшее положеніе украинскихъ евреевъ предъ белорусскими, литовскими и польскими произошло, по нашему мнѣнію, отъ нѣсколькихъ причинъ. Во-первыхъ, Украина и Малороссія, по естественному богатству своей почвы и вообще природы, давали больше источниковъ дохода промышленной дѣятельности еврѣевъ, тѣмъ болѣе, что населеніе здѣсь было вообще не такъ значительно, и такимъ образомъ плоды природныхъ богатствъ и человѣческаго труда распредѣлялись между меньшимъ числомъ рукъ. Во вторыхъ, вслѣдствіе большей отдаленности этихъ

краевъ отъ центра польской жизни, законы шляхетскихъ сеймовъ, весьма неблагопріятные для евреевъ, имѣли здѣсь меньше силы и дѣйствія, чѣмъ въ другихъ польскихъ владѣніяхъ. Въ третьихъ, самое число евреевъ здѣсь было меньше, чѣмъ въ сѣверозападномъ краѣ и собственной Польшѣ, а потому и промышленная ихъ дѣятельность лучше вознаграждалась.

Но исторія показываетъ, что возвышеніе уровня благосостоянія народа чрезвычайно облегчаетъ возможность всякихъ реформъ. Въ частности, относительно евреевъ, истина эта также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кто знакомъ съ еврейскимъ бытомъ, тотъ знаетъ, что всякая реформа въ общественныхъ дѣлахъ или частномъ быту, въ особенности же реформа въ религіозномъ отношеніи, столь трудная у евреевъ, беретъ начало въ богатомъ классѣ и въ немъ только находитъ поддержку. Бѣдное большинство, связанное по рукамъ и ногамъ общественнымъ мнѣніемъ, всегда консервативнымъ у евреевъ, не осмѣлитъся вступить въ борьбу съ отживающими порядками, хотя бы и сознавало ихъ несостоятельность. Рѣшаются на эту борьбу только богатый, который не зависитъ отъ мнѣній своихъ собратьевъ и находитъ въ себѣ довольно силы, чтобы идти на перекоръ большинству. Тѣмъ болѣе украинскіе евреи, всѣ вмѣстѣ, должны были имѣть довольно смѣлости, чтобы возстать противъ того порядка вещей, который изображенъ выше и вооружилъ противъ себя всѣхъ благомыслящихъ евреевъ.

Во вторыхъ, очень большое вліяніе на возможность реформы между украинскими евреями имѣлъ самый образъ ихъ жизни. Какъ мы видѣли изъ отзыва Камендони, евреи занимались на Украинѣ больше всего арендами разнаго рода и поссесіоннымъ землевладѣніемъ. Но землевладѣніе, какъ показываетъ исторія, имѣеть повсюду то свойство, что пробуждаетъ въ человѣкѣ духъ независимости и самостоятельности и сознаніе собственного достоинства. Вотъ почему украинскій еврей и теперь, когда судьба его значительно ухудшилась противъ прежняго, выгодно отличается отъ сѣверо-западного еврея въ отношеніи прямоты характера, нѣкоторой гордости и сознанія личнаго достоинства, хотя и уступаетъ послѣднему въ умственномъ отношеніи. Это обстоятельство естественно

облегчило путь реформы въ іудаизмъ на Украинѣ. Но еще въ другомъ, болѣе важномъ отношеніи, особенность экономического строя украинскихъ евреевъ подготовила путь къ перемѣнѣ въ нравственно-религіозной жизни еврейства именно здѣсь. Землевладѣніе и аренды разсѣяли здѣсь евреевъ на большія разстоянія, не дали имъ сплотиться въ замкнутыя, тѣсно связанныя общины, какъ въ Литвѣ и Польшѣ, гдѣ евреи, занимаясь исключительно торговлей и ремеслами, слились въ плотныя массы по городамъ и мѣстечкамъ. Между тѣмъ, всякому, знакомому съ еврейскимъ бытомъ, известно, что староеврейскій строй жизни, съ его средневѣковыми общественными учрежденіями, религіозной обрядностью и фанатизмомъ, держится на силѣ консервативнаго, фанатического общественнаго мнѣнія еврейского населенія этихъ городовъ и мѣстечекъ. Личная свобода, личная мысль здѣсь совершенно задавлена деспотизмомъ общины, которая слѣдить зоркимъ окомъ за тѣмъ, чтобы никто изъ ея членовъ не отступилъ отъ завѣта отцовъ ни на одинъ волосъ; и горе тому, кто будетъ замѣченъ въ измѣнѣ вѣрѣ своихъ предковъ, или хоть малѣйшему обычаю, освященному временемъ! Община, съ которой каждый изъ ея членовъ связанъ во всѣхъ отношеніяхъ—узами родства, дружбы, наконецъ, экономическихъ интересовъ, такъ какъ еврейское общество представляетъ особый міръ, наглухо заколоченный, — община найдетъ тысячу средствъ отравлять жизнь дерзкому вольнодумцу, пока онъ или не убѣжитъ отъ нея на край свѣта, что нерѣдко случалось, или заставить его, какъ обыкновенно бывало, склонить непокорную голову и подчиниться тяжелому гнету старины. Можно положительно сказать, что всякое движение впередъ въ жизни русскихъ евреевъ, несмотря на то, что находило себѣ вездѣ горячихъ приверженцевъ, встрѣчало сильнейшее препятствіе со стороны общественнаго мнѣнія, которое никогда не такъ могущественно, какъ у евреевъ, и парализовало всякое благое начинаніе передовыхъ личностей. Вотъ этого то тормаза на пути ко всякой реформѣ почти не знали украинскіе евреи, благодаря своимъ сельско-хозяйственнымъ промысламъ. Живя вдали отъ городовъ, на своей арендѣ, мельницахъ, корчмахъ и т. под., украинскій еврей мало-по-малу эманципировался изъ-подъ вліянія равви-

новъ и общины, которые прежде держали его въ ежевыхъ рука-вицахъ, особенно во всемъ, что касалось религіи. Онъ позабывалъ здѣсь многосложное и запутанное богословское ученіе евреевъ до того, что обыкновенно не умѣлъ даже читать по-еврейски («арен-дарь») и теперь у евреевъ синонимъ невѣжества и грубости); и чѣмъ далѣе онъ шелъ по этому направленію, тѣмъ менѣе онъ ува-жалъ раввина-талмудиста, проводившаго жизнь надъ непонятной ему, арендарю, мудростью, и тѣмъ менѣе раввинъ этотъ удовлетворялъ религіознымъ потребностямъ корчмаря, который нуждался уже не въ ученомъ богословѣ, могущемъ объяснить ему темное мѣсто въ Талмудѣ, а въ религіозномъ руководителѣ и духовнике, который управлялъ бы его умомъ и сердцемъ, какъ управлялъ священникъ сосѣдней деревни сердцами и умами крестьянъ, къ умственному и нравственному уровню которыхъ украинскій еврей значительно при-близился. Независимый отъ городского еврейского общества, съ ко-торымъ рѣдко когда и имѣлъ дѣла, арендарь осмѣливался думать о томъ, что раввинъ не заслуживаетъ большаго уваженія, что онъ уже слишкомъ много обременяетъ его религіозными правилами и обрядами, что многіе изъ этихъ обрядовъ можно и не исполнять, тѣмъ болѣе, что въ деревнѣ за нимъ не слѣдили стоглазые аргусы еврейского города и что самый родъ жизни на лонѣ природы дѣ-лалъ невозможнымъ строгое соблюденіе всѣхъ обрядовъ, опутываю-щихъ жизнь еврея на каждомъ шагу ¹⁾.

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ съ давнихъ поръ умы украинскихъ евреевъ подготовлялись къ перемѣнамъ и преобразо-ваніямъ въ ихъ нравственно-религіозной жизни. Окончательное вліяніе на появленіе этихъ преобразованій имѣли, по нашему мнѣ-нію, внѣшніе перевороты въ судьбѣ украинскихъ и малорусскихъ евреевъ. Въ половинѣ XVII вѣка евреи на Украинѣ и въ Мало-россіи перенесли страшныя гоненія со стороны казаковъ, возстав-

¹⁾ Такъ одинъ раввинъ, писавшій въ 1642 году, цитируемый д-ромъ Іеллинекомъ (въ «Биккуримъ» 1865 г.), жалуется на то, что «корчмари продаютъ водку по субботнимъ и праздничнымъ днямъ». Это, безъ со-мнѣнія, введено въ обычай сельскими евреями, ибо городские не осмѣли-лись бы на такое тяжкое нарушеніе еврейскаго закона.

шихъ противъ польского владычества подъ предводительствомъ Хмельницкаго. Мы не будемъ рассказывать здѣсь какъ, за что и какія именно несчастія обрушились тогда на голову евреевъ; достаточно будетъ сказать, что въ длинномъ спискѣ гоненій, претерпѣнныхъ евреями въ средневѣковую эпоху исторіи Европы, украинскія рѣзни при Хмельницкомъ и наѣзы гайдамаковъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ по своей жестокости. Понятно, что такія страшныя испытанія не могли пройти безъ того, чтобы не оставить глубокихъ слѣдовъ въ умахъ и душѣ евреевъ. Какъ бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, великія народныя бѣдствія вызвали сильное развитіе религіознаго чувства, но не того религіознаго чувства, которое выразилось въ строго и точно опредѣленныхъ видахъ формахъ и какъ бы окаменѣло подъ этими неподвижными формами, а внутренней потребности безотчетной, неограниченной вѣры. Удрученный горемъ, религіозный человѣкъ ищетъ утѣшенія въ молитвѣ, въ безпределной вѣрѣ въ провидѣніе, обѣ немъ пекущеся, и еще больше въ святаго, который можетъ ему помочь въ бѣдѣ. Между тѣмъ іудаизмъ представлялъ тогда своимъ послѣдователямъ не вѣру, а ученіе, не возможность утѣшенія и успокоенія въ годину бѣдствій, а громадную массу сухихъ, мертвыхъ правилъ и обрядовъ, которые съ точностью опредѣляли и ограничивали каждый шагъ еврея, но ничего не говорили его сердцу. Словомъ, іудаизмъ былъ весь разсчитанъ на умъ, но ничего не давалъ сердцу. Какъ мы замѣтили уже, элементъ чудеснаго, сверхъ-естественнаго и, слѣдовательно, вообще вѣра играетъ незначительную роль въ еврейскомъ міросозерцанії. Между тѣмъ, то было именно такое время, когда огрубѣвшіе, отвыкнувшіе отъ староеврейской жизни и застигнутые страшными бѣдствіями гайдамачества, украинскіе арендаторы и корчмары вуждались самыми чувствительнымъ образомъ не въ тонкихъ мудрствованіяхъ софистовъ раввиновъ, а въ настоящемъ духовенствѣ, которое удовлетворило бы ихъ жаждѣ чудеснаго и слѣпой вѣры и служило бы имъ дѣйствительнымъ руководителемъ въ общихъ нуждахъ всего еврейскаго населенія Украины и въ частныхъ дѣлахъ каждого корчмаря и арендатора въ отдельности.

Къ этому присоединились колебанія и подчасъ сильныя потрясенія въ благосостояніи литовскихъ и малороссійскихъ евреевъ въ теченіи XVIII вѣка, происходившія отъ неблагопріятнаго отношенія къ евреямъ русскаго правительства вплоть до временъ Екатерины II, которая первая положила основаніе признанію гражданства евреевъ въ Россіи¹⁾). Во все это время, евреи то изгонялись изъ того или другого пункта, то опять въ него допускались, права ихъ то признавались, то отрицались—впрочемъ, чаще отрицались, чѣмъ признавались. Подъ влияніемъ такихъ колебаній уровень умственнаго развитія евреевъ постоянно понижался. Вмѣстѣ съ этимъ, потребность въ другой формѣ религіозной жизни, чѣмъ раввинизмъ съ обременительной, сухой и неудобоваримой для толпы мудростью, должна была сознаваться все сильнѣе и сильнѣе.

При такихъ обстоятельствахъ зародился на Украинѣ хасидизмъ, котораго начало еврейскій историкъ Іость относить къ 1730 году.

III.

Изъ всего изложеннаго видно, что потребность реформы ощущалась въ различныхъ сторонахъ еврейской жизни того времени. Во-первыхъ, мыслящая часть еврейскаго народа, утомленная безплодной, сухой и мертвой ученостью раввинизма, не представлявшаго никакого интереса ни для ума, ни для воображенія, искала болѣе занимательной умственной пищи. Во-вторыхъ, также лучшая часть евреевъ въ нравственномъ отношеніи была сильно возмущена деморализацией раввиновъ, ихъ суетностью, превратившей слово Божіе въ предметъ происковъ, зависти, кражды и корысти, и ихъ холодной разсудочностью, доходившей до скептицизма и невѣрія. Она жаждала поэтому болѣе совершеннаго въ нравственно-религіозномъ отношеніи порядка вещей. Въ третьихъ, всѣ евреи, особенно невѣжественное и грубое большинство, тяготились чрезмѣрнымъ бременемъ возложенныхъ на нихъ стѣснительныхъ обрядовъ и религіозныхъ правилъ, которыхъ съ

¹⁾ См. исторический очеркъ г. Леоновича (Сіонъ, № 21).

течениемъ времени, благодаря набожному рвению раввиновъ, сдѣлались по истинѣ невыносимыми. Масса съ нетерпѣніемъ ждала избавителя, который хотя бы немногого облегчила бы ей тяжелую ношу. Наконецъ, она потеряла уваженіе къ раввинамъ, которые углубились въ бесплодную пустыню богословской учености и давно перестали быть путеводителями своей паствы въ житейскихъ ея дѣлахъ. А время, какъ мы видѣли, все болѣе усиливало для массы народа нужду въ такихъ путеводителяхъ, которые приспособились бы къ низкому уровню ея пониманія и могли бы словомъ и дѣломъ служить ей въ практическихъ нуждахъ.

Всѣмъ потребностямъ еврейской жизни долженъ быть удовлетворить хасидизмъ, какъ новая форма религіозной и общественной организаціи, возникшая изъ давно сознанной необходимости коренной реформы во многихъ отношеніяхъ.

Намъ естественно предстоитъ разсмотрѣть теперь, въ какой мѣрѣ хасидизмъ дѣйствительно исполнилъ тѣ надежды, которыя на него возлагались, и какое его значеніе въ современной жизни русскихъ евреевъ. При этомъ, такъ какъ мы не пишемъ здѣсь исторіи хасидизма, а намѣрены только указать на значеніе и смыслъ его, какъ общественного явленія, мы ограничимся самыми краткими указаніями, насколько они необходимы для достижения предположенной цѣли.

Начала хасидизма, какъ они изложены въ сочиненіяхъ первыхъ учениковъ основателя его, Р. Израиля Бааль-Шемъ-Това, состоять въ слѣдующемъ. По отношенію къ ученію, къ области мышленія, учители хасидизма возстали: во первыхъ, противъ себялюбиваго и суэтнаго раввинизма, который превратилъ божественное ученіе въ предметъ человѣческихъ страстей и расчетовъ. «Митнагеды (нѣ-хасиды) говорятъ, что изученіе Торы, даже съ нехорошимъ намѣреніемъ, есть богоугодное дѣло, и такъ оно по большей части у нихъ бываетъ», говорится въ извѣстной книжѣ «Мацрефъ Гаавода», представляющей катехизисъ хасидизма;—«но хасидъ полагаетъ, что нельзя приступитьъ къ слову Божію безъ страха и любви (къ Богу). Притомъ одинъ положительный законъ (догматико-богословская литература) недостаточно уже въ настоящее

время, ибо Тора есть духовная пища, подобно тому, какъ хлѣбъ есть пища тѣлесная. И какъ грубая пища можетъ питать только здоровое тѣло, такъ грубый, материальный законъ, опредѣляющій только физическую жизнь человѣка (т. е. религіозные обряды и правила), былъ достаточенъ только для нашихъ предковъ, крѣпкихъ въ вѣрѣ. Наше же слабое время нуждается въ болѣе деликатной духовной пищѣ», которую хасидизмъ и предлагаетъ вѣрующимъ въ мистическомъ ученіи каббалы. Въ этой параболѣ, заимствованной изъ указанной книги «Мацрефъ Гаавода», удивительно ясно высказывается пониманіе хасидизмомъ несостоятельности раввинизма въ то время, хотя это сознаніе и высказывается въ религіозно-мистической формѣ, согласно духу того времени. Наше поколѣніе, говоритъ упомянутая книга, страдаетъ душевной болью, которая происходитъ отъ недостатка вѣры, отъ сомнѣнія въ существованіи духовнаго міра. Митнагеды погрязли въ материализмѣ. Они учатъ Тору изъ гордости, завѣтная мечта каждого изъ нихъ, чтобы его назвали гаономъ (ученой знаменитостью). Они углубляются въ священные фоліанты для того только, чтобы доказать ошибочность мнѣнія другого ученаго. По ихъ мнѣнію талмудисты были такие же свѣтскіе мудрецы, какъ греческіе философы. (Здѣсь хасидизмъ выказываетъ враждебность сущѣрной массы скептицизму и рационализму раввиновъ). Въ противность этому, хасидизмъ учитъ: необходима безусловная вѣра; всякое мудрствованіе заслуживаетъ порицанія. Весьма характери-стиченъ споръ между хасидами и митнагедами относительно духовнаго элемента въ мірѣ. По мнѣнію рационалистовъ-раввиновъ слова Библіи: «Богъ наполняетъ весь міръ» — слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что провидѣніе божіе печется обо всемъ, а не буквально. Противъ этого хасиды возстали со всей силой. По ихъ ученію, Богъ, или вообще духовный элементъ, наполняетъ вселенную. Только духъ Божій оживляетъ, одухотворяетъ и поддерживаетъ все существующее ¹⁾). Противное мнѣніе ведеть къ безвѣрію,

¹⁾ Какъ сильно напоминаетъ эта доctrina хасидизма основной доктрина молоканства: буква мертвая, духъ животворить. (См. воспоминанія о молоканахъ Н. И. Костомарова въ От. Зап. 1869 г., кн. 3).

мертвой обрядности и материализму. Такимъ образомъ, хасидизмъ, въ область религіознаго ученія, вводить, взамънъ доктринального богословія, которое впрочемъ имъ не отрицается, а лишь отодвигается на второй планъ, мистическую каббалау, столь привлекательную для ума и воображенія, религіозно настроеннаго. Хасидизмъ поэтому не довольствуется практическимъ соблюденіемъ обрядовъ, а требуетъ отъ вѣрующаго проникновенія ихъ духомъ и смысломъ: «Вы во всемъ видите только внешность» — упрекаетъ хасидъ своего противника въ приведенной книжѣ. Въ толкованіи Библіи хасидизмъ совершенно удалился отъ рационально-доктринальной экзегезы раввиновъ, а стремится найти въ каждой буквѣ сокровенный смыслъ, въ чёмъ онъ пошель по слѣдамъ александрийскихъ философовъ (Филона) и крайнихъ послѣдователей Маймонида, которые, исходя изъ сознанія несоответствія между буквальнымъ смысломъ Писанія и требованіями разума, думали согласить это противорѣчіе, принимая, что Писаніе имѣеть не буквальный, а тайный философскій смыслъ. Особенно рѣзко высказалась противоположность между хасидизмомъ и раввинизмомъ въ вопросѣ о молитвѣ. Молитва митнагедовъ, говорить «Мацрефъ Гаавода», холодна и безчувственна. Они молятся только потому, что отцы ихъ тоже дѣлали, а не по внутренней потребности. Хасиды же молятся съ сознаніемъ, съ воодушевленіемъ. Между тѣмъ какъ у митнагедовъ учение выше молитвы, у хасидовъ это наоборотъ. Молитва, по мнѣнію послѣднихъ, очищаетъ, облагораживаетъ и возвышаетъ душу. Такъ какъ она составляеть главный религіозный актъ въ жизни хасида, онъ къ ней приготовляется омовеніями и очищеніями. Онъ предпочитаетъ молиться въ уединеніи, чѣмъ въ собраніи, хотя еврейскій законъ даетъ явное преимущество послѣднему способу молитвы; предпочитаетъ нарушить установленныя закономъ правила о времени, мѣстѣ и обстановкѣ молитвы, лишь бы молиться съ чувствомъ, а не машинально и безчувственно, какъ митнагеды.

Таковы главныя доктрины хасидизма въ первоначальномъ его видѣ, какъ онъ выработался въ жизни и сочиненіяхъ первыхъ его учителей и послѣдователей. Хасидизмъ воздвигъ противъ себя сильнѣйшія гоненія со стороны главныхъ представителей талмудизма,

чуявшихъ въ немъ опаснаго врага всему строю староеврейской жизни. Мы, конечно, не будемъ рассказывать здѣсь подробностей этой борьбы; для нашей цѣли достаточно сказать, что въ настоящее время гоненія эти совершенно утихли и побѣдителемъ изъ этой борьбы вышелъ хасидизмъ. Зародившись на Украинѣ, онъ быстро распространился по Малороссіи, Бѣлоруссіи, Царству Польскому, и даже заграницей, особенно въ Галиціи, Буковинѣ и Венгрии, гдѣ еврейское населеніе стоять на одной ступени развитія съ русскими евреями. И это нисколько не удивительно, такъ какъ хасидизмъ, по мнѣнію даже просвѣщенныхъ людей того времени, заключалъ въ себѣ прогрессивныя начала и стоять выше раввізма. Такъ извѣстный Соломонъ Маймонъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Канта, въ молодости бывшій самъ хасидомъ, говорить слѣдующее въ своей автобіографіи¹⁾: «Бааль-Шемъ-Товъ и его ученики нашли много темныхъ сторонъ въ іудаизмѣ и старались исправить ихъ, именно тѣмъ, что возстали противъ безплодной казуистики талмудистовъ-раввиновъ, противъ мертвой, бездушной обрядности, лишенной всякаго смысла, противъ религіознаго лицемѣрія и ханжества».

Такимъ образомъ замѣчательный мыслитель, одаренный необыкновеннымъ критическимъ тактомъ и, благодаря высокой степени умственнаго развитія, способный взглянуть на религіозную жизнь евреевъ безпристрастно, угадалъ на первыхъ порахъ появленія хасидизма его значеніе въ качествѣ религіозной реформы. Но прогрессивный характеръ хасидизма продолжался не долго. Очень скоро наступила пора, когда онъ навлекъ на себя ненависть всѣхъ честныхъ людей между евреями; съ тѣхъ поръ и понынѣ онъ не перестаетъ считаться (и конечно справедливо) язвой еврейской жизни, къ которой нельзя относиться иначе, какъ съ самыми рѣшительными мѣрами исцѣленія. Какимъ образомъ совершилось это превращеніе мы сейчасъ увидимъ.

¹⁾ См. замѣчательное сочиненіе г. Цвейфеля о хасидизмѣ «Шаломъ аль Израель» стр. 45.

Изъ того, что изложено было выше объ ученихъ первыхъ сподвижниковъ хасидизма, нетрудно видѣть, что дѣятельность основателей нового ученія была по преимуществу духовно-нравственная, теоретическая. Они главнымъ образомъ силились разрушить мелочный педантизмъ и черствую рутину раввиновъ и внести въ религіозное ученіе животворящій духъ истинной вѣры и религіозного чувства, вмѣсто мертвой обрядности. Это направление хасидизма удовлетворяло только потребностямъ развитаго меньшинства, которое въ умственномъ отношеніи не могло довольствоваться безплодной и мелочной казуистикой раввинской богословской литературы, а въ нравственномъ отношеніи было глубоко возмущено деморализацией раввината, дошедшей, какъ мы видѣли, до крайнихъ предѣловъ. Это передовое меньшинство было, конечно, вполнѣ удовлетворено новыми учителями, которые вели безукоризненно честную и глубоко религіозную жизнь, а вмѣсто пустыхъ и запутанныхъ умствованій о мелочахъ религіозныхъ обрядовъ, неимѣющихъ никакого интереса для мыслящаго ума, преподавали своимъ ученикамъ таинственное, фантастическое и потому сильно дѣйствующее на воображеніе ученіе каббалы, которое, по своему, конечно, пыталось разрѣшить важнѣйшіе міровые вопросы и задачи человѣческой жизни, поднимаясь до высоты самой трансцендентальной метафизики. Но потребность коренной реформы ощущалась, какъ указано было выше, не только мыслящимъ меньшинствомъ еврейского народа, но можетъ быть еще въ большей мѣрѣ невѣжественнымъ большинствомъ. Съ одной стороны въ высшей степени неблагопріятныя условія, въ которыхъ было поставлено еврейское племя по отношенію къ остальному населенію и къ государству, какъ въ экономическомъ, такъ и въ соціально-гражданскомъ отношеніи, наталкивали еврея на необходимость искать утѣшенія въ кругу своей замкнутой и изолированной религіозной жизни, а этого утѣшенія онъ напрасно искалъ у раввиновъ того времени, предлагавшихъ ему сухую, безцвѣтную и безодержательную схоластику, ничего не говорящую сердцу и воображенію. Съ другой стороны оковы,

наложенные на жизнь еврея усердіемъ раввиновъ въ видѣ религіозныхъ предписаній, расплодившихся въ невѣроятныхъ размѣрахъ, стали уже черезъ-чуръ тяжки и масса инстинктивно жаждала облегченія отъ деспотического гнета неумолимаго закона и обычая, стѣснявшаго ее на каждомъ шагу въ житейской сферѣ. Мы видѣли, что задолго до появленія хасидизма, путемъ жизненной необходимости, вошло въ обыкновеніе такое существенное нарушеніе раввинскаго закона, какъ торговля питьями въ субботу у еврейскихъ корчмарей. Но такое фактическое, случайное освобожденіе отъ тяжести закона не могло удовлетворить сознанію массы, которая нуждалась въ достаточной санкціи религіозной реформы, въ признаніи этой реформы достаточно сильнымъ духовнымъ авторитетомъ, который, облегчая народу ношу унаслѣдованныхъ заповѣдей и законовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ удержалъ бы его (т. е. народъ) въ дорогомъ ему іудействѣ, отъ которого еврей, несмотря на всю его тяжесть и стѣснительность, ни за что не думалъ отказаться.

Наконецъ, въ сферѣ своихъ гражданскихъ и экономическихъ отношеній, еврейское общество, лишенное припольскомъ владычествѣ защиты общихъ законовъ страны и предоставленное совершенно своимъ собственнымъ средствамъ въ дѣлѣ суда и расправы и въ экономическомъ своемъ быту, это еврейское общество нуждалось въ такой власти, которая бы руководила имъ въ различныхъ столкновеніяхъ гражданской жизни.

Въ маловажныхъ тяжбахъ, напримѣръ, точно также въ незначительныхъ уголовныхъ проступкахъ еврей очень неохотно обращался къ общимъ судамъ, совершенно чуждымъ ему по духу и направленію, гдѣ на него смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ и гдѣ онъ почти не могъ добиться праваго суда. Онъ нуждался поэтому въ собственной, сподручной юрисдикціи, гдѣ онъ могъ бы свободно объясняться и разрѣшить споръ скоро и легко, по еврейскимъ обычаямъ.

Судъ же раввиновъ-талмудистовъ, по продажности судей и запутанности и отсталости тѣхъ законовъ, которыми они руководствовались, давно потерялъ всякое уваженіе въ глазахъ народа. Далѣе, евреи не имѣли тогда никакой прочной промышленной орга-

низаций, такъ какъ они не примыкали къ городскимъ обществамъ, не входили въ составъ цеховъ; слѣдствіемъ этой политики польскаго законодательства, которая впрочемъ составляла логическій результатъ взгляда Рѣчи Посполитой на евреевъ, было (и до сихъ поръ продолжаетъ быть) непомѣрное развитіе принципа конкуренціи въ промышленномъ быту евреевъ. Эта экономическая анархія, при ограниченности еврейскихъ промысловъ и чрезмѣрно большомъ соперничествѣ соискателей на каждый источникъ пропитанія, отзывалась очень вредно на благосостояніи евреевъ. Нужна была сильная власть, которая могла бы удержать еврея, напр. отъ того, чтобы выжить своего собрата изъ аренды, корчмы, лавки, подряда, посредствомъ возвышенія или пониженія цѣны; словомъ нужна была власть, которая хоть сколько-нибудь могла бы исправить зло, неизбѣжное при ненормальной конкуренціи между промышленниками, вслѣдствіе несоответствія между источниками доходовъ и числомъ людей, которые должны питаться этими доходами. Эта власть не была въ рукахъ раввиновъ, такъ какъ источникомъ ея, при непризнаніи со стороны государства, могло быть только народное довѣріе и уваженіе, а этого довѣрія и уваженія народъ давно ужъ не питалъ къ раввинамъ,

Такія насущныя потребности экономического и духовнаго быта народа не могутъ долго оставаться неудовлетворенными; раньше или позже являются лица, которые берутъ на себя исполненіе тѣхъ обязанностей въ отношеніи къ обществу, безъ коихъ послѣднее не можетъ болѣе обойтись. Въ рассматриваемомъ нами случаѣ, роль реформаторовъ еврейского религіознаго быта и руководителей массы въ ея житейскихъ интересахъ естественнымъ образомъ выпала на долю учителей хасидизма. Я говорю «естественнымъ образомъ», потому что предпринятая этими учителями теоретическая реформа еврейской догматики и богословія въ примѣненіи къ практической жизни неминуемо влекла за собою то облегченіе обрядовой тяжести, необходимость которой такъ глубоко, хотя безсознательно, инстинктивно, чувствовалась еврейскимъ простонародьемъ. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, основной догматъ нового ученія состоять въ томъ, что «буква мертвa, духъ животворитъ» и что по-

этому въ религіозной практикѣ важно не виѣшнее, формальное соблюденіе обряда, а проникновеніе его смысломъ, религіозное настроеніе духа. При этомъ основатели хасидизма не осмѣливались еще отрицать безусловную обязательность соблюденія всѣхъ обрядовъ, предписанныхъ раввинами. Но очевидно, что отъ признанія преимущественной важности духа передъ формой религіозной жизни только одинъ шагъ до признанія излишества и даже вредности этой формы, какъ имѣющей вездѣ стремленіе убить духъ или по крайней мѣрѣ задержать его развитіе. Этотъ шагъ сдѣланъ былъ всѣми тѣми религіозными и философскими доктринаами, которые возставали противъ установившихъ общественныхъ и религіозныхъ формъ, утратившихъ свое жизненное значеніе, свой «животворящій духъ». Таковы: ученіяalexандрийскихъ гностиковъ (еврейскій представитель—Филонъ), средневѣковые греческо-арабскіе мыслители (еврейскій представитель—Маймонидъ и особенно его крайніе послѣдователи), и наконецъ ближе къ намъ по времени и мѣсту наши духовоборцы, общіе и пр. (соответствующее еврейское явленіе—хасидизмъ). Всѣ эти религіозно-философскія системы начали съ того, что возставали противъ рутиннаго соблюденія формъ въ области религіи и общественной жизни, признавая однакожъ эти формы, въ которыхъ онъ старались только влить новый духъ, и кончили тѣмъ, что совершенно отрицали эти формы, требуя взамѣнъ ихъ господство духа—въ религіи въ видѣ набожнаго настроенія духа, въ житейскомъ быту—въ видѣ духа братства и любви вмѣсто эгоистического моего и твоего. Тоже самое случилось съ хасидизмомъ. Хотя на первыхъ порахъ онъ выступилъ противъ мелочной и бездушной схоластики раввиновъ въ теоріи и ихъ мертвой обрядности и формализма въ практикѣ, требуя только, чтобы религіозный быть не былъ одной пустой формой, а сознательнымъ служеніемъ общественному духу, всеоживляющему въ природѣ и въ жизни людей, не осмѣливаясь ни въ ученіи, ни въ практикѣ отступать ни на шагъ отъ установившагося порядка въ еврейской религіозной жизни, но ужъ очень скоро обнаружилось въ чёмъ заключаются конечные результаты новаго ученія и его истинныя основанія. Противники новаго ученія, во главѣ которыхъ стояли величайшіе авторитеты

тальмудической учености и раввинизма того времени, отлично поняли, съ какимъ врагомъ они имѣютъ дѣло. Для нихъ стало ясно, что отъ обоготворенія мистической каббалы до пренебреженія положительнымъ, материалистическимъ и сухимъ догматизмомъ Талмуда, переходъ очень легокъ, а еще легче, потому что заманчивѣе для массы, переходъ отъ принципа «животворящаго духа» въ религіи къ отрицанію всей обрядной, внѣшней, формальной стороны религіозной жизни. Этимъ объясняется жестокое гоненіе, воздвигнутое на послѣдователей новаго ученія со стороны раввинской корпораціи, гоненіе, доходившее до отлученія всѣхъ хасидовъ отъ общины Израиля, до запрещенія не-хасидамъ вступать съ ними во всякаго рода сдѣлки и т. под. Но мѣры эти ни къ чему не привели и даже не могли осуществляться на практикѣ въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ. Хасидская ересь съ каждымъ днемъ пріобрѣтала все болѣе и болѣе приверженцевъ въ лагерѣ своихъ противниковъ, гдѣ лучшіе умы не могли не сознавать всей теоретической и практической несостоятельности раввинизма. Сами же учителя хасидизма, выступивъ первоначально единственно въ качествѣ отшельниковъ-проповѣдниковъ, преподававшихъ избраннымъ ученикамъ таинственное ученіе, привлекавшее къ себѣ умы своими грандіозными представленіями и глубиной своего цѣлостнаго міросозерцанія, а народу—необходимость искренней молитвы и религіознаго настроенія духа вмѣсто безсознательной рутины, — скоро сошли съ своего пьедестала на болѣе низменную и практическую область дѣятельности. Они были вовлечены въ потокъ дѣйствительной жизни, сколько внутренней логикой своего ученія, которое естественно должно было стремиться къ тому, чтобы приложить свою доктрину къ практической жизни, столько же требованіями народной массы, которая обращалась къ новымъ учителямъ за удовлетвореніемъ тѣхъ насущныхъ своихъ потребностей, о которыхъ было сказано выше. Къ новому рабби постоянно приходили толпами то за разрѣшеніемъ спора, то для огражденія отъ происковъ сосѣда, возвышавшаго арендную плату помѣщику, то просто для совѣта во всякаго рода дѣлахъ. Рабби не имѣлъ достаточно скромности для того, чтобы отказаться отъ предлагаемой ему власти руководителя и въ нѣкоторомъ смы-

слѣ главы еврейскаго населенія мѣстности. Онъ тѣмъ охотнѣе принималъ на себя эту роль, что она, какъ оказалось, была сопряжена съ огромнымъ моральнымъ значеніемъ, почти неограниченной властью надъ умами, сердцами и что еще важнѣе—карманами пасты. Съ теченіемъ времени власть эта пріобрѣла абсолютно-тѣократической характеръ, и вотъ по какой причинѣ. Выше было замѣчено, что раввинъ, по еврейскимъ понятіямъ, не соотвѣтствуетъ тому, что мы привыкли предполагать подъ именемъ духовнаго лица у христіанъ. Онъ не пользуется по самому своему званію религіознымъ авторитетомъ и властью надъ своей паствой. Раввинъ, это лицо служебное, которое въ материальныхъ своихъ нуждахъ и моральномъ положеніи ничѣмъ другимъ не гарантировано, кроме уваженія и привязанности своихъ духовныхъ дѣтей; которое поэтому должно употребить всѣ старанія для того, чтобы ни на минуту не потерять ихъ благорасположенія и личными заслугами и достоинствами постоянно поддерживать въ нихъ разъ установившееся хорошее мнѣніе. Такому порядку вещей средневѣковое еврейство обязано тѣмъ величиемъ, до которого выработался типъ тогдашняго раввина, обыкновенно соединявшаго въ своемъ лицѣ всѣ качества и заслуги достойнаго представителя свѣтской и духовной власти. Извѣстно, что средневѣковой раввинъ, въ одно и тоже время, исполнялъ обязанности судьи, наставника, духовнаго лица и общественно-хозяйственнаго дѣятеля въ своей общинѣ. Мало того, онъ былъ какъ-бы политическимъ представителемъ обособленнаго еврейскаго міра, на котораго сами христіане смотрѣли не иначе, какъ на отдельную политическую единицу, и какъ таковой онъ былъ посредникомъ между своей общиной съ одной стороны и королями, феодалами, духовенствомъ и городами съ другой, велъ переговоры о дозволеніи евреямъ селиться и промышлять въ той или другой мѣстности, испрашивалъ для нихъ новыя права или подтвержденіе старыхъ, старался предотвращать столь обыкновенная въ то время изгнанія евреевъ и конфискаціи ихъ имуществъ и т. д. При такомъ положеніи дѣль, раввинатъ дѣйствительно выдвинулъ на историческую арену многихъ замѣчательныхъ личностей, обезсмертившихъ себя въ исторіи Израиля успешными трудами на благо-

гонимаго и презираемаго племени, уцѣлѣвшаго послѣ страшныхъ многовѣковыхъ страданій, лишь благодаря своей духовной моши и крѣпкой общинной солидарности.

Но очевидно, что такой порядокъ вещей можетъ успешно продолжаться лишь въ такомъ случаѣ, когда община достаточно высоко стоитъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи для того, чтобы неуклонно держать контроль надъ дѣйствіями своего пастыря, и настолько заинтересована въ общихъ нуждахъ всѣхъ своихъ членовъ, чтобы постоянно заботиться объ этомъ контролѣ.

Оба эти условія у евреевъ, жившихъ къ польскихъ владѣніяхъ, все болѣе и болѣе исчезали, съ чѣмъ естественно было связано паденіе традиціоннаго раввината и замѣна его другой формой организации духовной власти, болѣе приспособленной къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Съ одной стороны уровень морального и умственного развитія еврейской массы, подъ влияніемъ низкаго соціального положенія, значительно понизился, не только въ общечеловѣческомъ отношеніи, но даже относительно спеціально еврейскаго религіознаго образованія. Неизбѣжнымъ результатомъ этого была все сильнѣе чувствовавшаяся неспособность общины стоять надъ своимъ раввиномъ, продолжать прежнія отношенія къ нему, какъ слугѣ общины, дѣятельность котораго считалъ себя въ правѣ и въ состояніи оцѣнивать каждый изъ ея членовъ въ былое время, когда почти каждый еврей былъ глубокимъ знатокомъ религіознаго ученія и компетентнымъ судьей въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ религіозной казуистики. Съ другой стороны разбросанность еврейскаго населенія по обширнымъ и малонаселеннымъ пространствамъ Польсья, Украины и Малороссіи, вместо прежней сплоченности ихъ по городамъ, вызвало ослабленіе тѣхъ узъ общинной солидарности, которая такъ плотно сковывали всѣхъ членовъ городской еврейской общины, и вслѣдствіе этого малое участіе индивидуализировавшихся евреевъ къ прежнему общественному устройству и представителю его — раввинату.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ оба эти необходимыя условія процвѣтанія раввината на выборныхъ началахъ изглаживались и исчезали изъ еврейскаго быта, существование раввинства въ преж-

ней
отв
уди
осн
при
нет
ным
выш
орет
быту
стра
вытес
на ра
будем
польск
для н
и зат
альна
жизне
душіє
нистра
затраг
дило е
свой с
быть,
талкива
вому у
какъ ра
и вообра
сковавш
смерти,
взгласил
ственное
оказалось
шай евре

ией формъ дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ и несогласовѣтствующимъ истиннымъ потребностямъ еврейской массы. Неудивительно поэтому, что представители новой духовной власти, основанной на принципахъ радикально противоположныхъ прежнимъ, привлекли къ себѣ симпатіи народной массы. Это тѣмъ болѣе станетъ понятнымъ для насъ, когда въ связи съ только что указанными обстоятельствами поставимъ и нѣкоторыя другія, упомянутыя выше, какъ то: непривлекательность талмудического ученія въ теоретическомъ отношеніи и обременительность его въ практическомъ быту, продажность раввинства, какъ слѣдствіе чрезмѣрной распространенности талмудической учености между польскими евреями и вытекавшей изъ этого сильной конкуренціи между соискателями на раввинскія мѣста, влияние католицизма и пр. Чѣмъ ближе мы будемъ всматриваться въ условія еврейского быта въ бывшихъ польскихъ владѣніяхъ въ прошломъ столѣтіи, тѣмъ яснѣе станетъ для насъ, что возникновеніе хасидизма какъ религіозной доктрины и затѣмъ образование цадикизма, какъ извѣстнаго церковно-соціального строя, было естественнымъ и неизбѣжнымъ продуктомъ жизненной обстановки польско-еврейскаго міра. Полнѣйшее равнодушіе государственной власти и органовъ законодательства и администраціи ко внутреннимъ интересамъ еврейского населенія, не затрагивавшимъ выгодъ казны и христіанского населенія, вынудило евреевъ образовать свое собственное управление, свой судъ и свой общинный союзъ, основанные, какъ это иначе и не могло быть, на началахъ религіозныхъ и общинно-демократическихъ. Отталкивающая сухость талмудической казуистики влекла умы къ новому ученію, дававшему обильную пищу не одному только уму, какъ раввинское ученіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозному чувству и воображенію вѣрующихъ. Отяготительность обрядового формализма, сковавшаго тяжелыми цѣпями всю жизнь еврея отъ рожденія до смерти, гнала народную массу въ лагерь новыхъ учителей, провозгласившихъ болѣе свободныя начала религіозной жизни. Нравственное и умственное паденіе раввинства, которое, наконецъ, оказалось неспособнымъ управлять и защищать интересы отупѣвшей европейской массы, сильно содѣйствовало тому же результату.

Понижение уровня умственного развития въ польско-еврейскомъ мірѣ вообще сдѣлало необходимымъ радикальное измѣненіе въ положеніи еврейской духовной власти. Огрубѣвшій и охладѣвшій къ интересамъ городской общины, еврей-арендаторъ и корчмаръ на Украинѣ не только не хотѣлъ, но и не могъ выбирать себѣ духовнаго наставника между корифеями талмудической учености послѣ оцѣнки ихъ знаній, благочестія и прочихъ качествъ. Мало того: самая мысль о такомъ свободномъ, такъ сказать, тривіальномъ отношеніи къ представителямъ религіи должна была казаться кощунственной уму грубаго, невѣжественнаго и фанатически преданного своей вѣрѣ простолюдина. Протестантское воззрѣніе на отношенія разума къ вѣрѣ и служебный характеръ духовенства стояли гораздо выше его умственнаго кругозора. Ему гораздо сподручнѣе было хорошо знакомое ему, по ежедневному наблюденію, католическое понятіе о небесной благодати, осѣняющей избранныковъ божіихъ свыше, безъ долговременной ученой подготовки и безъ видимыхъ личныхъ заслугъ, на которыхъ смотрить ограниченный человѣческій умъ. Глубокое вліяніе католицизма, или вѣрнѣе сказать, тѣхъ бытовыхъ условій, которыхъ вызываютъ къ жизни католическая и ему подобныя религіозныя ученія, на цадикізмъ видно изъ того, что въ основу этого послѣдняго положено чисто католическое начало искупленія грѣховъ посредствомъ щедрыхъ приношеній духовенству: хасидскіе выкупы (пидъонимъ, приношенія цадику отъ вѣрующихъ) ничѣмъ рѣшительно не отличаются отъ папскихъ индульгенцій, послужившихъ яблокомъ раздора между католическимъ и протестантскимъ міромъ. А при глубоко укоренившемся въ еврейскомъ быту элементѣ семейно-патріархальномъ не удивительно, что въ примѣненіи къ новой формѣ организации духовной власти, къ принципу благодати и супернатурализма, присоединился другой принципъ — наследственностіи духовнаго сана. Невѣжественной массѣ легитимистическое начало наследственности какъ свѣтской, такъ и церковной власти естественно кажется гораздо болѣе справедливымъ, разумнымъ и удобнымъ, чѣмъ начало выборное, которое вообще сопряжено съ затрудненіями, отвѣтственностью и запросомъ на значительный за-

пасъ моральныхъ силъ въ обществѣ. Вотъ почему грубая, суевѣрная масса съ восторгомъ привѣтствовала представителей новаго религіознаго ученія, отклинувшагося на сокровеннѣйшія ея желанія и выразившаго готовность удовлетворить давно прочувствованнымъ потребностямъ. Масса поспѣшила сложить къ ногамъ новыхъ учителей весь запасъ своихъ богатствъ, какъ материальныхъ, которыя, по ея мнѣнію, не могутъ быть употреблены лучше, какъ для прославленія и возвеличенія религіи въ лицѣ земныхъ ея представителей, такъ и духовныхъ (вѣры, любви и благоговѣнія и пр.). Хотя такимъ образомъ на цадиковъ возложены были гораздо болѣе широкія права и обязанности, чѣмъ тѣ, которыми они пользовались съ начала, но они были вскорѣ унесены неудержимымъ потокомъ времени и стали въ то положеніе, въ какомъ мы застаемъ цадикізмъ теперь, на закатѣ дней его. Переходъ этотъ былъ значительно облегченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что для цадикизма нашлись вполнѣ готовые и сподручные формы и образцы въ организаціи польскаго шляхетскаго сословія и католического духовенства. Какъ цадикъ, такъ и его поклонники, ежедневно видѣли въ своемъ сосѣдствѣ какъ роскошествуетъ пань-помѣщикъ, представитель свѣтской власти надъ бѣдной, невѣжественной народной массой, и неразлучный спутникъ его пань-ксендзъ и прелать, представитель духовной власти, надъ той же массой. Первому было выгодно, а послѣднимъ естественно перенести на еврейскую почву эти чужія формы жизни и учрежденія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ дѣйствительно чувствовался недостатокъ, какъ указано было выше.

Такимъ образомъ зародилось, окрѣпло и удержаналось до сихъ поръ то безпримѣрное въ еврейской исторіи явленіе, которое зовется цадикізмомъ или хасидизмомъ. Предшествовавшее изложеніе, какъ намъ кажется, имѣть не только историческій интересъ и теоретическое значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ практическую пригодность. Дѣйствительно съ какой стороны мы не подходили бы къ той темной силѣ въ еврейскомъ мірѣ, которая послужила предметомъ настоящаго очерка, главное значеніе имѣть для нась вопросъ, какія мѣры могутъ быть съ успѣхомъ пущены въ ходъ для

того, чтобы исцѣлить русское еврейство отъ вреднаго нароста цадикизма. А для разрѣшенія этого-то вопроса путь значительно прочищается исторической оцѣнкой хасидизма въ связи съ тѣми жизненными явленіями, которыхъ его вызвали. Какъ ни кратко и бѣдно очерчены нами эти явленія, но и этого вполнѣ достаточно для того, чтобы читателю стала ясна вѣрность слѣдующихъ соображеній по вопросу о возможныхъ средствахъ къ искорененію, или по крайней мѣрѣ, ослабленію влиянія хасидизма между евреями.

На первый планъ вступаетъ здѣсь то соображеніе, что такъ какъ появленіе хасидизма вызвано не одной, а совокупностью многихъ причинъ, то исчезновеніе его возможно будетъ лишь тогда, когда изъ еврейской почвы вырваны будутъ одинъ за другимъ всѣ корни, которыми онъ держится. Въ самомъ дѣлѣ, очень недостаточно сказать: распространеніе просвѣщенія въ еврейской массѣ сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе хасидизма, ибо, во-первыхъ, очень долго ждать, пока образованіе станетъ удѣломъ каждого бѣднаго еврейского мальчика, а во-вторыхъ, образованность народной массы вовсе не исключаетъ еще крѣпости религіознаго элемента и даже суевѣрія, какъ это доказываетъ примѣръ американскихъ штатовъ; притомъ же хасидизмъ, какъ мы видѣли, не есть простое порожденіе невѣжества и фанатизма, какъ понимаютъ его вѣмецкіе историки (включая сюда и Гретца), а продуктъ гораздо болѣе сложныхъ причинъ. Слѣдовательно и устраненіе его возможно лишь по мѣрѣ исчезновенія всѣхъ породившихъ его бытовыхъ условій, въ чёмъ не трудно убѣдиться, если разобрать всѣ эти условія поодиночно. Важиѣшими изъ нихъ, по нашему мнѣнію, сдѣлуетъ считать то условіе, о которомъ меньше всего говорили до сихъ поръ: необходимость религіозной реформы въ іудействѣ. Если хасидизмъ былъ вызванъ, главнымъ образомъ, настойтельной потребностью эманципаціи изъ подъ тяжелаго гнета талмудической обрядности и приковалъ къ себѣ массы народа тѣмъ, что въ значительной степени удовлетворялъ этой потребности, то очевидно, что онъ будетъ вытѣсненъ изъ еврейской жизни лишь другимъ видомъ религіозной реформы. Само собою разумѣется, что реформа эта должна быть построена на началахъ болѣе соответствующихъ

понятіямъ и нуждамъ настоящаго времени и совершенно различныхъ отъ тѣхъ, на которыхъ зиждется обвѣтшалое зданіе хасидизма. Если въ началѣ прошлаго столѣтія польское еврейство не видѣло другого исхода изъ безплодной пустыни мертвящаго раввинскаго крючкотворства и религіознаго формализма—какъ броситься въ противоположную крайность туманнаго мистицизма, каббалистическихъ бредней и католического суевѣрія цадикизма, то наше время располагаетъ гораздо болѣе разумными средствами для достижениѧ той цѣли, къ которой сознательно или инстинктивно стремится съ тѣхъ порь еврейскій міръ — къ измѣненію условій еврейской религіозной жизни сообразно съ духомъ и требованиями цивилизованнаго быта. Мы говоримъ здѣсь о постепенной и послѣдовательной реформѣ въ іудействѣ, на основаніи историко-критического изученія духа и судьбы іудаизма, и имѣемъ въ виду ту точку зрѣнія, на которую стала позитивная школа еврейскихъ ученыхъ въ Германіи. Извѣстно, что школа эта, словомъ и дѣломъ, настойчиво преслѣдує важную задачу реформаціи іудейства: она многое успѣла уже осуществить въ этомъ направленіи и еще больше предвидится плодовъ отъ ея дѣятельности въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Къ этому то внутреннему движению въ средѣ германскихъ евреевъ необходимо примкнуть еврейскому населенію Россіи, если мы не хотимъ, чтобы еврейство сдѣлалось у насъ жертвой съ одной стороны убийственнаго религіознаго и общественнаго индифферентизма, а съ другой — дикаго суевѣрія и цадикскаго хищничества, этихъ двухъ язвъ, свирѣпствующихъ теперь у насъ: одна въ средѣ, такъ называемаго, образованнаго класса, а другая въ массѣ простонародья. Только разумная реформа можетъ съ успѣхомъ противодѣйствовать этимъ двумъ бѣдствіямъ и пріостановить ихъ дальнѣйшее развитіе. Въ связи съ этимъ находится важный вопросъ объ организаціи духовной власти у евреевъ. До тѣхъ порь пока раввинъ будетъ или казеннымъ чиновникомъ съ административнымъ кругомъ дѣятельности, правъ и обязанностей (каковы раввины правительственные), или безгласнымъ и безправнымъ разрѣшителемъ религіозныхъ недоумѣній съ низкимъ умственнымъ развитіемъ и жалкимъ, зависимымъ мате-

ріальнимъ положеніемъ (каковы раввины неофиціальны), пока не будетъ создано для еврейского духовенства другое положеніе, болѣе почетное, свободное и вліятельное, до тѣхъ поръ народная масса инстинктивно будетъ стремиться къ тѣмъ, которые съумѣли завоевать себѣ то уваженіе и почитаніе, которое въ понятіяхъ всякой народной массы, особенно же такой религіозной, какъ еврейской, неразрывно связано съ самой идеей духовной власти.

Съ другой стороны хасидизмъ, какъ мы видѣли, обязанъ своимъ существованіемъ своеобразному общественному положенію еврейства въ государствѣ, какъ особенного соціального класса, внутренніе интересы и дѣла которого оставлены въ всякаго контроля со стороны государственной власти. Отсюда очевидно, что по мѣрѣ того, какъ евреи все болѣе и болѣе войдутъ въ кругъ русской народной жизни, высвобождаясь изъ-подъ гнета исключительныхъ законовъ и учрежденій, специальнно-еврейская духовно-гражданскія система управлениія вообще, и въ частности одно изъ главныхъ его звеньевъ—цадикізмъ — потеряетъ свой *raison d'etre* и, какъ отсохшая вѣтвь, отпадетъ сама собой. Подобно тому, какъ преобразованіе нашей паспортно-податной системы и городскаго общественнаго управлениія сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе отдельной еврейской общинѣ, такъ повсемѣстное введеніе нового суда вытѣснить судъ раввинскій и цадикскій (что уже замѣчается на практикѣ въ значительныхъ размѣрахъ), а преобразованіе системы управлениія духовными дѣлами евреевъ (предпринимаемая теперь, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ) уничтожитъ значеніе цадиковъ въ сфере церковно-административной. Что юридическая обособленность еврейскаго міра дѣйствительно служить сильной поддержкой хасидизму, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. По закону, кто ради личной выгоды будетъ разглашать подложно о какомъ-либо чудѣ, а равно кто, выдавая себя за лицо, одаренное сверхъестественной силой или святостью, будетъ стараться обмануть образомъ произвести въ народѣ тревогу, волненіе или уныніе, тотъ подвергается определеннымъ наказаніямъ (Улож. о нак. изд. 1866 г. ст. 933 и 938). Изъ буквального смысла этихъ статей закона видно, что онѣ относятся въ одинаковой мѣрѣ ко

всѣмъ терпимымъ въ государствѣ исповѣданіямъ; ибо хотя въ этихъ статяхъ и не сказано прямо, что дѣйствіе ихъ распространяется на магометанъ, евреевъ и пр., но какъ въ нихъ не сдѣлано изъятія относительно не-христіанъ, а всякий законъ, въ особенности же законъ уголовный, долженъ быть принимаемъ всегда въ буквальномъ смыслѣ, то очевидно, что дѣйствію этихъ статей подлежать столько же христіане, сколько и иновѣрцы. А нужно ли прибавить, что дѣятельность цадиковъ и ихъ клевретовъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ «разглашеніи подложно о случившихся чудесахъ и выдаваніи легковѣрнымъ за чудо приготовленныя по ихъ распоряженію дѣйствія», которая законъ считаетъ безусловно преступными дѣйствіями, влекущими за собой тяжкую кару правосудія? Распространеніе въ народѣ тревоги, волненія или унынія, при помощи обманнаго увѣренія въ своей святости и сверхчестственной силѣ, опять таки есть самый обыкновенный маневръ чудодѣевъ-цадиковъ. Отсюда ясно, что еслибъ у насъ, въ прежнее время, дѣйствительно существовалъ судъ нелицепріятный и правдивый, истинный представитель закона и общественной власти, т. е., еслибъ у насъ условія народной жизни были такого рода, что не дали бы возможности раздолъя и простора всякаго рода хищничеству и эксплуатациіи бѣдности и невѣжества материальной и духовной силой, при полной безнаказанности со стороны суда, то нѣть сомнѣнія, что указанные законы сыграли бы немаловажную роль въ исторіи хасидизма.

Замѣчаніе это можетъ показаться невѣрнымъ и даже противорѣчащимъ тому, что было сказано выше о значеніи хасидизма и причинахъ его возникновенія. Какъ, спросить читатель, вы доказываете, что хасидизмъ не есть явленіе случайное, или даже просто результатъ народного невѣжества и суевѣрія, а необходимый органическій продуктъ бытовыхъ условій еврейскаго населенія въ польскихъ владѣніяхъ, и что задачей его было удовлетвореніе нужды въ прочной духовной и свѣтской организаціи еврейскаго быта; изъ этого вы выводите, что исчезновеніе его возможно будетъ только тогда, когда вся соціальная, юридическая и нравственно-религіозная обстановка евреевъ подвергнется радикальному преобразованію;

а между тѣмъ вы утверждаете, что судебнѣе преслѣдованіе цадиковъ могло бы быть полезнымъ еврейскому миру орудіемъ для борьбы съ хасидизмомъ? Какъ согласить такое противорѣчіе во взглядахъ на средства искоренить цадикізмъ? Возраженія эти однакожъ не такъ сильны, какъ кажется. Опытъ убѣдилъ наконецъ всѣхъ мыслящихъ людей, что теорія: *laisser faire, laisser passer*, въ примѣненіи къ дѣятельности государства, не выдерживаетъ строгой критики. Даже въ Англіи, этой родинѣ всѣхъ ученій о selfgovernment, selfhelp, подарившей наукѣ самыхъ талантливыхъ противниковъ системы опеки и контроля, начинаютъ, наконецъ, практически осуществлять противоположный взглядъ, основанный на вѣрѣ въ силы государственной власти и обязанность ея помогать развитію полезныхъ силъ общества и подавленію дурныхъ. Нѣть надобности распространяться о томъ, что у насъ въ Россіи самодѣятельности общества до сихъ поръ отмежеваны самыя тѣсныя границы, а государству и его органамъ—самыя широкія.

Это вѣрно не только вообще, но и въ частности, въ примѣненіи къ цадикізму и религіозному быту евреевъ. Еще въ 1864 г. до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ дошло о распрахѣ между хасидами и ихъ противниками и оно сочло нужнымъ предписать, чтобы всѣ хасидскія книги печатались не иначе, какъ по предварительной цензурѣ, и чтобы типографіи еврейскія, существующія безъ разрѣшенія правительства, были закрыты¹⁾). Въ настоящее время, какъ сами цадики въ своихъ спорахъ между собой, такъ и образованные евреи, стремящіеся къ тому, чтобы парализовать ихъ вліяніе на народъ, обращаются къ содѣйствію общественной власти, но не судебнѣй, а административной. Извѣстно, напр., что административнымъ порядкомъ воспрещено теперь цадикамъ отлучаться изъ мѣстъ постоянного жительства. Мѣра эта, хотя и частная, но имѣетъ большое практическое вліяніе на степень власти и вредности цадиковъ. А всякий согласится съ тѣмъ, что судебнѣе преслѣдованіе, если оно обставлено всѣми гарантіями справед-

¹⁾ См. Варадиновъ, исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, т. III, ч. I, стр. 665.

ливаго, безпристаснаго и гласнаго суда, гораздо желательнѣе административнаго вмѣшательства; ибо административныя мѣры, какъ бы онъ ни были благотворны сами по себѣ, имѣютъ толь огромный недостатокъ, что онъ носятъ характеръ случайный, временнй, произвольный, и потому не всегда достигаютъ своей цѣли, да и не внушаютъ къ себѣ того уваженія, какъ судебныя рѣшенія, основанныя на положительному и общемъ для всѣхъ гражданъ законѣ. Но это не все. Еслибъ хасидизмъ и теперь былъ такимъ же органическимъ продуктомъ и необходимой принадлежностью еврейскаго быта, какъ въ прошломъ столѣтіи, мы охотно согласились бы съ тѣмъ, что мѣры репрессивныя противъ него будутъ безсилы. Но времена измѣнились и продолжаютъ измѣняться весьма быстро и круто; цадикизмъ потерялъ ужъ очень много основъ въ еврейской жизни; онъ находится теперь въ положеніи всѣхъ отживающихъ вѣрованій и учрежденій: масса, съ свойственнымъ ей благоговѣніемъ предъ всѣмъ существующимъ, продолжаетъ преклоняться предъ нимъ фактически, но ужъ болѣе въ силу рутины, чѣмъ по дѣйствительной внутренней необходимости. Зданіе обветшало, надломано, хотя съ виду кажется еще прочнымъ; довольно одного или двухъ ударовъ, чтобы разрушить его совершенно. Эти удары, не раньше, такъ позже, будутъ нанесены всесокрушающимъ духомъ временемъ, но не надобно себя обманывать, возлагая слишкомъ большія надежды на этотъ духъ времени. *Ex nihilo nihil fit*, и наша обязанность заключается въ томъ, чтобы по мѣрѣ силы и возможности приблизить то блаженное время, когда еврейство освободится отъ вреднаго и безобразнаго нароста цадикизма. А кому же приличнѣе всего наложить первому руки на отжившія и вредныя явленія общественной жизни, какъ не государству, которое и больше другихъ къ тому обязано и располагаетъ большими средствами для достижения этой цѣли, чѣмъ каждое отдельное лицо, или даже чѣмъ все общество?